

УДК 316/653(57)(091)

Социокультурные особенности формирования сибирской идентичности во второй половине XIX в.

А. А. Кружалина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается формирование региональной сибирской идентичности в XIX в. Характеризуется значение социокультурных факторов, повлиявших на конструирование региональной общности «сибиряки». Даются описания различных моделей самоидентификации, сложившихся в регионе под влиянием интеграции коренного и пришлого населения в процессе формирования сибирского социума.

Ключевые слова: Сибирь, общественное мнение, сибиряки, периодическая печать, идентичность.

Проблемы, связанные с формированием, развитием, угасанием и отставанием этноконфессиональной, региональной и других форм идентичности, на сегодняшний день входят в число мировых проблем высокой степени важности, корни которых кроются в далеком прошлом. Чтобы сформировать адекватный взгляд современной общественности на данные проблемы, необходимо изучить условия, в которых они складывались, и как окружение реагировало на них, являлись ли они на тот момент общественно значимыми.

Любые формы идентичности тесно связаны с самосознанием, которое в самом общем виде определяется как чувство принадлежности к той или иной группе, выражающееся в самоопределении, т. е. отнесении себя к данной группе. Факторов, влияющих на формирование самосознания множество, и социальное окружение – один из самых значимых. Поэтому так важно изучить не только тот «общественный контекст», в котором формулировались ключевые компоненты региональной идентичности сибирского общества, но и то, какой отклик этот процесс находил у современников, ставших одновременно и его участниками, и наблюдателями.

Заметим, что разработка данной темы осложняется тем, что в настоящее время не существует однозначной концепции российской идентичности и даже русской, несмотря на обилие литературы о русском национальном характере и «русской идее». В рамках этносоциологии русское национальное самосознание изучено фрагментарно, есть авторы, которые считают, что и русская нация ещё не сформировалась. Так, в одной из фундаментальных монографий этого направления указано: «К сожалению, состояние и разработка источников не позволяют пока во всей полноте показать национальное самосознание русских как идеологию, национальные интересы и одно-

временно как представления, национальные чувства, установки людей, имеющие место в их повседневной жизни» [15, с. 370].

К середине XIX столетия Сибирь являлась азиатской окраиной, «где сосредотачиваются самые разнообразные народности, сливающиеся в общем течении гражданской жизни и стремлении к цивилизации» [14]. Пестрый этноконфессиональный состав населения региона в комплексе с обсуждаемой идеей сибирского сепаратизма способствовал актуализации проблемы идентичности сибирского общества, в том числе и на страницах периодической печати. Всё чаще региональной общественностью стала обсуждаться «идея о своей самобытности» [12, с. 38], о «сплочении Сибири воедино» [13, с. 42]. Все без исключения периодические издания региона признавали характерную особенность края, состоящую в «весьма разнообразном составе его населения, где рядом живут люди всех состояний, весьма различные по культуре, вероисповеданиям, расовым отличиям, нравам и прочему» [4]. Издания со своих страниц призывали учитывать обозначенную специфику не только при общем взгляде на регион, но и, что более важно, при формировании экономической, социально-культурной и «национальной» политики.

Постепенно в прессе стала культивироваться мысль о том, что «сибиряк многим отличается от жителей Европейской России и что он на всем громадном пространстве Сибири приобрёл свою специальную физиономию» [3, с. 3]. Эта идея стала восприниматься корреспондентами сибирских изданий как очевидный факт. Указывалось, что «все частные областные особенности через одно поколение стираются и пришлые элементы претворяются и преобразуются в новую этнографическую форму и вид сообразно местным условиям» [11].

Формирование региональной идентичности сибирского общества, основанием которому изначально послужила специфика административно-территориального устройства, а также колонизационные процессы в регионе, имело в своей основе поливариантность моделей и форм. Соглашаясь с мнением известного сибирского историка и общественного деятеля А. П. Щапова, «Восточное обозрение» отмечает, что «русская история, в самой основе, есть, по преимуществу, история различных областных масс народа (история постоянного территориального устройства, разнообразной этнографической организации, взаимодействия, борьбы, соединения и разнообразного политического положения областей до централизации и после централизации). Только в русской истории вы встретите своеобразное, территориальное и этнографическое самообразование областей путем колонизации» [10, с. 1]. Интересно, что исходя из данной концепции «сибиряки» рассматриваются как специфическая этнографическая категория, что подтверждается цитатой Щапова: «Нет в Европе народа, который бы отличался таким провинциальным этнографическим разнообразием, как народы, обитающие в разных русских областях. Много ли общего, например, между малороссийским, белорусским и сибирским народонаселением?» [10, с. 2]. В связи с этим российская история видится автору как «история великорус-

ских областных общин», каждая из которых обладает набором специфических этнографических, социально-культурных и других черт, позволяющих, в частности, выделить самостоятельную этнографическую группу – «сибиряки».

За более чем трёхсотлетнюю историю содержание понятия «сибиряки» не просто оформилось, но и упрочилось в сознании как сибирской, так и общероссийской общественности. Встает очевидный вопрос: кто же он – сибиряк? Какие специфические, не только культурные, наднациональные, но и этнографические характеристики отличают представителей сибирской идентичности?

Все возможные ответы на этот вопрос сводятся к одной простой фразе: «Коренные сибиряки суть не более, не менее, как потомки вольных и невольных переселенцев из России в прежние времена» [6]. Однако при более детальном рассмотрении особенностей формирования сибирской региональной идентичности вопрос принимает более сложные, многогранные формы.

Общественность отмечала, что «русский (российский) мужик в Сибири с течением времени становился чем-то иным, особенным, становился «сибиряком», особым этнографическим типом с особым языком, особым внешним *habitus*’ом, особым складом ума». «Живя в Сибири, они, конечно, принимали особенности, свойственные всему ее населению и объясняемые местными условиями, родом жизни и т. д. Конечно, это преимущественно отразилось на речи и на одежде, – писал П. А. Кропоткин. – Беспреданно слышатся выражения или совершенно оригинальные, или же имеющие вовсе не тот смысл, который придается им в Великой России. Из них можно бы составить целый местный очень интересный словарь» [8, с. 288].

Отмечался также тот факт, что русский (российский) мужик-переселенец не только осибирячивался в указанном роде, но сплошь и рядом даже обынородчивался, «усваивая себе ее (инородческий) говор, ее хозяйственные приемы, ее бытовые черты, ее мировоззрение» [17]. Так, мемуарное наследие сохранило множество свидетельств «объякучивания» русских переселенцев: жители Амги «успели утратить черты русской народности. Мужчины еще говорили по-русски, хоть и с сильным якутским акцентом. Женщины говорили только по-якутски, и порой, понимая русский язык и даже умея немного говорить на нем, как будто стыдились говорить по-русски» [7, с. 88]; в верховьях Лены «все русское поддается инородческому влиянию – все уже объякутились: занимаются больше скотоводством, нежели хлебопашеством, живут тесно и в разброс; избы все более становятся похожими на юрты. Многие забывают родной язык и говорят между собою в семье по-якутски. Старики ... говорят еще по-русски, но картаво, с каким-то иностранным акцентом; по-русски говорят они только с приезжими. Молодые вовсе не понимают по-русски... (во всем их поведении проявляются типичные инородческие черты), у них решительный, сосредоточенный вид, серьезное, спокойное выражение лица; покорность судьбе видна в чертах этих тружеников» [2, с. 746].

Именно в последнее двадцатилетие XIX в. сибирская общественность начинает серьезно задумываться над данной проблемой. Просматривается

попытка проанализировать, какие специфические черты отдельных этнических групп (как коренных, так и пришлых) и в какой степени «отложились» в новом типе «сибиряка», который сформировался (и это корреспонденты не ставили под сомнение) методом смешения и перекрёстной ассимиляции нескольких поколений жителей региона. Если попытаться кратко актуализировать видение данного вопроса корреспондентами сибирских газет, то получится следующее. В наследство от коренных народов региона сибиряки получили стойкость к температурным перепадам, морозоустойчивость, выносливость. Предпринимательская сметка и «добрая расчётливость» были привнесены сибирским еврейством. Активность и «жизненная сила» присущи сибирякам благодаря смешению с украинским и белорусским элементами.

В результате подобного рода смешений и ассимиляции «от первоначально водворившихся здесь русских пришельцев, смешавшихся с поселенными в здешний край ссыльными из всех почти племен, составляющих царство русское, произошло население, столь же малооднородное, по наружным своим формам. Впрочем, время и превосходство славяно-русского племени перед прочими племенами сделали это, прежде резкое различие между жителями уже не столько заметным... чаще встречаются: низкий рост, небольшая голова, длинное туловище с низкой грудью и большим отвислым брюхом, длинные руки и короткие ноги, темно-русые волосы, навислый лоб, серые глаза, одутловатые щеки и иронически улыбающаяся физиономия» [9].

Кроме вышеуказанного, разумеется, и «суровый климат и другие неблагоприятные условия местности оказывали свойственное им влияние на телосложение, здоровье и на самый характер жителей. Вялый и болезненный цвет лица, малосилье и расположение к болезням: цынге, сифилису и зубам суть здешних жителей» [9].

Рассуждая о половозрастных особенностях сибиряков, одна из газет приводит вовсе неоднозначные отличительные характеристики сибирячек: так, сибирские женщины «не отличаются ни особой красотой, ни нежностью... не блистают остроумием; не смотря на это, им нельзя отказать в расположении к веселости. Они избегают приторности и изысканности... Зато в физическом отношении сибирячки стоят гораздо выше русских женщин, в нравственном же они представляют смесь разных особенностей... кроме всего прочего особенно поражали наблюдателей в сибирячках, – красивая походка, правильное движение ноги, как у американки, и непринуждённость... Сибирячки умеют владеть собою лучше всех женщин в мире» [1, с. 199–200].

Сибирские издания не только давали статические характеристики экономической, политической активности сибиряков, их социально-нравственного развития, но, что наиболее важно, корреспонденты пытались опровергнуть неправильные, сформировавшиеся у российской общественности клише, по которым последней интерпретировался этнографический тип сибиряка вообще. Так, сибирские издания настаивают на том, что следует понимать и правильно анализировать степень участия ссыльнопоселенческого (уголовного) элемента в формировании сибирской идентично-

сти: «Борьба за существование в Сибири не легка, а тут приходится приютить целые легионы изгнанников». В результате чего «оборванный, обездоленный, несчастный изгнанник внушал сострадание и чуть не симпатию, на голову же сибиряка обрушились иные чувства душевно оскорбленного и возмущенного посетителя страны «чудес и курьезов». В силу странной логики чувств, на сибиряка и пала ответственность за безобразные устои сибирской гражданской жизни» [3, с. 2–3]. И совершенно напрасно, так как, по убеждению сибирских авторов, сибиряк во многом воспринял негативные качества именно от переселенцев и ссыльных «уголовников». Его же самого отличают терпимость, свобода действий, хлебосољство и т. п.: «Вольномыслие, терпимость, свобода действий, а следовательно осознание свободы личности и признание ея за всеми в равной мере, глубоко засели в душе сибиряка, несмотря на то, что она формировалась между молотом беспощадного чиновничьего произвола и наковальней поселенческого нравственного растления» [3, с. 2]. И именно эти традиции свободомыслия и поспособствовали актуализации исследуемого вопроса. И это не случайное мнение отдельных лиц, а формировавшаяся в сознании региональной общественности на протяжении всей второй половины XIX столетия концепция. Ещё в середине века Н. Д. Фонвизина в письме к духовнику протоиерею Стефану Знаменскому, имея возможность сравнить, сообщала: «Сибиряки имеют свой характер, хотя и схожий с российским в основании, но и отличный несколько от русских или российских наших... он ласков, добродушен, большой хлебосол, но не кладет ему пальца в рот – он без намерения, по одной привычке или природному свойству, откусит, и вы же будете виноваты, что положили слишком доверчиво, вы же потеряете в его мнении. Сибирское основное свойство: недоверчивость и осторожность, чтобы не дать в обман и, если можно, самому обмануть. Российских людей свойство: развязность, ласковость и тем большая хитрость; одним словом, сибиряк всячески старается не быть обманутым, что считается за стыд» [18, с. 210].

В своих характеристиках и сравнениях сибиряков с представителями общероссийского сообщества известный сибиряк, издатель газеты «Восточное обозрение», идеолог областничества Н. М. Ядринцев пошел еще дальше. Прежде всего он выделял «два типа сибиряков: любвеобильные, добрые, открытые и эгоисты, сухие, расчетливые, ведущие свою линию». По его мнению, вообще «Сибирь – страна контрастов, и здесь рядом со здоровыми энергичными колонистами живут уроды» [19, с. 296]. Признавая этот факт, Ядринцев, однако, пояснял, что «натура сибиряка – совершенно иное. Её нельзя сравнивать с пылкой... страстью других племён и народностей... Особая впечатлительность, особая нервная система, привычка сдерживать душевные настроения обуславливает и степень восприимчивости и увлечения. Это психология сибиряка» [21, с. 92]. Примечательно также, что Ядринцев именовал Сибирь «страной» не единожды, чем всячески подчеркивал обособленность, самодостаточность и специфичность региона в сравнении с остальной Российской империей. Так, например, в связи с принятием сибирских ученых в Географическое общество он иронично писал: «Мы,

сибиряки, начинаем завоевывать места в ваших ученых обществах. Как у вас в России все живые вопросы умолкли, и покончены были живые вопросы для нас, и мы будим ваш уснувший персонал. У нас исследования, доклады, путешествия. Каждая страна переживает свою золотую пору оживления, ренессанса. У нас это время, у вас закат» [20, с. 279].

Таким образом, обращение сибирских интеллектуалов к проблеме сибирской идентичности и роли различных факторов в ней имеет большое значение, которое заключается в признании и описании поливариантности формирования сибирской идентичности; тогда как многие представители преимущественно российской общественности рассматривали этот процесс в одностороннем порядке, в результате чего искажали действительность. Стараниями региональной общественности Сибирь превращалась в особое культурное пространство, со свойственной ему этнополитической стабильностью, которая объяснялась априорно толерантностью сибирских этносов, исторически сложившейся на основе социокультурных предпосылок [16, с. 112]. Вследствие геополитического значения региона социокультурная ситуация в Сибири воспринималась как фактор общеимперского значения. Важность процессов, происходящих в Сибири, и одновременно сложность ситуации заключались в том, что сложившиеся условия требовали превращения Сибири в особое, специфическое культурное пространство малых народов, которое «будет восприниматься не как периферия православной цивилизации, а как особый равноправный мир, требующий для своего развития специального подхода» [5, с. 28–29].

Список литературы

1. А. О. Несколько слов о сибирячках // Амур. – 1860. – № 25. – С. 198–200.
2. Алексеев П. С. Вверх по Лене в почтовой лодке: путевые заметки // Вестн. Европы – 1898. – Кн. 6. – С. 741–753.
3. Брониславский В. Существует ли сибирская народность // Сибирь – Санкт-Петербург. – 1897. – № 29. – С. 2–3.
4. Газетная печать Сибайкал. – 1898. – № 46. – С. 3.
5. Иванов П. М. Можно ли избежать конфликтов в России // Вестн. Рос. акад. наук. – 2002. – Т. 72, № 1. – С. 23–31.
6. Иркутск // Амур. – 1861. – № 68. – С. 604.
7. Короленко В. Г. Слобода Амга и её обитатели // Короленко В. Г. История моего современника. – Харьков : [б. и.], 1922. – Т. 4. – XVIII. – С. 63–97.
8. Кропоткин П. А. 4 января 1863 г., Чита. Письма из Восточной Сибири // Кропоткин П. А. Дневники разных лет / публ. и коммент. А. П. Лебедевой – М. : Терра, 1992. – С. 288–289.
9. Л-ий. Берега реки Лены // Амур. – 1860. – № 17. – С. 223.
10. Народно-областное начало в русской истории // Вост. обозрение. – 1884. – № 10. – С. 1–3.
11. Осибирячивание переселенцев // Вост. обозрение. – 1884. – № 31. – С. 12.
12. Потанин Г. Н. А. Д. Шайтанову. 29 декабря 1864 г., г. Томск // Потанин Г. Н. Письма : в 4 т. – Иркутск, 1977. – Т. 1. – С. 38.

13. Потанин Г. Н. Ф. Н. Усову. 8 апреля 1865 г., г. Томск // Потанин Г. Н. Письма : в 4 т. – Иркутск, 1977. – Т. 1. – С. 42–43.
14. Пробуждающаяся жизнь на окраинах // Восточное обозрение. – 1887. – № 5. – С. 1.
15. Русские (Этносоциологические очерки). – М. : Наука, 1992. – 461 с.
16. Савинов Л. В. Этнополитика и этнобезопасность / Л. В. Савинов. – Новосибирск : СИБАГС, 2009. – 192 с.
17. Сибирские отголоски // Сиб. листок. – Тобольск, 1891. – № 39. – С. 2.
18. Фонвизина Н. Д. Письмо С. Знаменскому. 18 июля 1843 г. // Знаменский М., Н. А. Белоголовый. Исчезнувшие люди: Повести, статьи, воспоминания. Воспоминания сибиряка / сост. Н. П. Матханова, Н. Н. Александрова. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. – С. 209–212.
19. Ядринцев Н. М. В. И. Семидалову, Петербург, 22 декабря 1893 г. // Литературное наследие Сибири. Николай Михайлович Ядринцев. Письма. – Новосибирск : Запад.-Сиб. кн. изд-во, 1970. – С. 296–297.
20. Ядринцев Н. М. В. П. Острогорскому, Петербург, 9 ноября 1885 г. // Литературное наследие Сибири. Николай Михайлович Ядринцев. Письма. – Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1970. – С. 278–280.
21. Ядринцев Н. М. Судьба сибирской поэзии и старинные поэты Сибири (Впервые опубликовано: «Литературный сборник», издание редакции «Восточное обозрение», СПб., 1885 г.) // Литературное наследие Сибири. Николай Михайлович Ядринцев. Статьи, рецензии, воспоминания о писателях. – Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1970. – С. 91–94.

Socio-Cultural Aspects of the Formation of Siberian Identity in the Second Half of the XIXth Century

A. A. Kruzhalina

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The author considers the formation of the regional Siberian identity in the XIXth century. The importance of socio-cultural factors that influenced on the formation of the regional community of the Siberians is highlighted. The article describes various models of self-identification that developed in the region under the influence of the integration of indigenous and newcomers during the formation of the Siberian society.

Keywords: Siberia, public opinion, Siberians, periodical press, identity.

Кружалина Анастасия Алексеевна

*кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории России*

Иркутский государственный университет

664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1

тел.: 8(3952) 24-38-75

e-mail: kliokrua@yandex.ru

Kruzhalina Anastasiya Alekseevna

*Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of Russian History*

Irkutsk State University

1, K. Marx st., Irkutsk, 664003

tel.: 8(3952) 24-38-75

e-mail: kliokrua@yandex.ru